

— Решено. Сегодня днем я позвонил дедушке, и он сказал, что молодым людям полезно выходить в мир и набираться опыта. Он поддержал моё решение.

— Не беспокойся об этом. Я сам поговорю с твоим дедушкой, — Чжоу Цзыцянь достал ручку из подставки, записал номер мобильного телефона на листке бумаги и протянул его племяннику. — Это номер помощника Лю. Найди время встретиться с ним, он расскажет, что тебе нужно подготовить. Поступление в университет, оформление визы — всё это займёт как минимум два-три месяца. Готовься не спеша.

— Хорошо, я понял, — Чжоу Юньян положил листок в карман. — Дядюшка, у меня есть еще одна просьба.

— Я знаю, ты беспокоишься о матери. Не волнуйся, даже если тебя не будет, никто не станет плохо к ней относиться.

— Нет, я хочу, чтобы вы нашли для неё другое жилье.

У Сюй Маньнин в прошлом была диагностирована душевная болезнь. Хотя приступы длились недолго и она не проявляла агрессии, семья Чжоу все равно относилась к ней с настороженностью, опасаясь, что она может кого-то ранить или устроить скандал. Старейшина Чжоу согласился впустить её в дом лишь вынужденно. Если бы она устроила скандал, он бы, несомненно, отослал её ради сохранения спокойствия в доме.

Чжоу Юньян всегда старался предотвратить подобное развитие событий, но раньше Сюй Маньнин лишь пребывала в меланхолии и жаловалась на судьбу, что не вызывало особого беспокойства. Однако в последние годы её характер начал меняться: она стала мрачной, раздражительной, часто срывалась по пустякам. Сын был её единственной опорой и единственным человеком, которому она могла излить душу. Чжоу Юньян беспокоился, что, если он не будет рядом, чтобы успокаивать её, рано или поздно она устроит скандал, и это никому не пойдет на пользу.

Кроме того, он понял одну вещь: просто цепляться за этот дом не даст ему прочного положения. Их статус в семье Чжоу мало изменился с момента их прибытия. Глава семьи — бизнесмен, умный и дальновидный, он ценит таланты. Вместо того чтобы полагаться на слабые узы родства, лучше добиться своего места собственными усилиями. Если он сможет проявить себя, дедушка наверняка обратит на него внимание.

На самом деле, первоначальной целью Чжоу Юньяна было заслужить уважение семьи Чжоу и сделать так, чтобы его покойный отец мог гордиться им. Хотя эта идея могла казаться юношеской или даже наивной, она точно не принесла бы ему вреда. Он был рад, что эта цель не была полностью уничтожена горечью и завистью, которые ему внушала мать. Сейчас еще не поздно вернуться на правильный путь.

Чжоу Юньян ушел уже после десяти вечера. Чжоу Цзыцянь задумался на мгновение, а затем набрал номер отца. Он заранее предупредил его о планах Чжоу Юньяна уехать за границу на учебу, и старик не был удивлен, не задавал лишних вопросов, просто сказал, что подождет, пока Юньян примет окончательное решение.

Чжоу Цзыцянь знал характер отца. Он не стал бы спрашивать по телефону, почему Юньян вдруг решил уехать учиться за границу, или было ли это его собственное желание или решение дяди. Даже если у него было множество мыслей на этот счет, он не стал бы задавать вопросы внуку, который легко поддается влиянию.

Чжоу Цзыцянь мог представить, как отец сейчас сидит у телефона, размышляя, что он скажет, чтобы понять, действительно ли его внук хочет уехать учиться, или это решение было принято по каким-то другим причинам. Он никогда не принимал на веру чьи-то слова, даже если они исходили от его собственных детей или внуков.

После нескольких гудков трубку взяли. Чжоу Цзыцянь позвал отца, но тот не ответил. Он немного помолчал, а затем прямо сказал:

— Это я устроил, чтобы Юньян уехал за границу. Он умный и имеет коммерческую жилку. Я хочу, чтобы после окончания учебы он помогал мне в компании.

Старейшина Чжоу на другом конце провода наконец откликнулся:

— В столице столько университетов, и ни один не может подготовить тебе помощника?

— Могут, но я считаю, что для изучения бизнеса лучше поехать за границу. В наших университетах больше теории, учат знаниям, а за границей больше внимания уделяют практике и тренируют мышление.

Голос старика оставался ровным:

— Ты только из-за этого решил отправить его за границу? Не из-за того, что они с братом не ладят?

Е Тао и Чжоу Юньян ездили в Хуэйчжоу на праздники и провели у старика почти две недели. Их отношения, гармоничные или нет, было легко разглядеть. К тому же дядюшка Чжоу, старейшина Лю и несколько старых слуг были наняты еще до того, как Чжоу Цзыцянь стал главой семьи. Должность дядюшки Чжоу была назначена стариком перед поездкой в Хуэйчжоу. Даже если они понимали, кому следует служить, они не стали бы скрывать очевидное.

— Я плохо их воспитал, — Чжоу Цзыцянь не стал оправдываться.

— Ты с самого начала не хотел, чтобы они были слишком близки. Как ты мог хорошо их воспитать? — В голосе старика прозвучало недовольство, хотя он сам это молчаливо допускал.

— Юньси еще молод, у него простой характер, он не подозревает людей. Юньян тоже еще ребенок. Если кто-то намеренно введет его в заблуждение, внушит дурные мысли, он может начать завидовать Юньси, даже если не будет испытывать к нему вражды. Лучше держать их на расстоянии, это пойдет на пользу обоим.

— Юньси с детства был близок с тобой, ты его воспитывал. Естественно, что ты к нему благосклонен. Но во всем должна быть мера. Не забывай, что Юньян тоже сын твоего старшего брата.

— Я, как и вы, хочу, чтобы у Юньяна было лучшее будущее.

— Если Юньян уедет за границу, его мать может начать беспокоиться. Найди кого-нибудь, чтобы присматривать за ней, чтобы она не устроила скандал.

Чжоу Цзыцянь воспользовался моментом:

— Юньян, похоже, тоже об этом беспокоится. Он хочет, чтобы я нашел для Сюй Маньнин

другое жилье. У старшего брата есть дом в Сяншане. Я хочу переоформить его на Юньяна, а после его отъезда отправить Сюй Маньнин туда.

— Глупость! Твой старший брат перед смертью специально просил позаботиться о его жене и сыне. Ты сначала отправляешь Юньяна, а потом его мать. Ты хочешь, чтобы твой брат не мог спокойно умереть?

— Старший брат так сказал, потому что подозревал, что авария была подстроена. Он боялся, что после его смерти кто-то причинит вред его жене и сыну, и чувствовал себя виноватым перед ними, хотел сделать для них что-то в последние моменты жизни. Но мы только приняли Сюй Маньнин в дом, не дав ей официального статуса, — Чжоу Цзыцянь успокоил отца. — Старший брат умер так давно, авария уже давно признана случайностью. Лучше дать Сюй Маньнин комфортную обстановку, где она сможет жить спокойно и свободно.

На самом деле, не Чжоу Цзыцянь не мог принять Сюй Маньнин, а старейшина Чжоу, который позволил ей войти в дом. Он согласился только потому, что не смог отказать старшему сыну в его последние минуты. В такой ситуации никто не смог бы сказать «нет». Принятие Сюй Маньнин было вынужденным шагом.

Но старейшина Чжоу очень дорожил своей репутацией. Сюй Маньнин с тех пор, как пришла в дом, жила уединенно не только из-за проблем с ногами, но и потому, что старик не хотел, чтобы она появлялась на людях. Её статус был слишком неоднозначным. Если бы Чжоу Цзыцянь был жив, её бы просто содержали в загородном доме, и люди бы лишь посмеивались, называя старшего сына Чжоу ветреным. Но после его смерти она вошла в дом Чжоу. Её называли вдовой Чжоу Цзыцяня, но у неё не было официального статуса. Если бы её назвали гостьей семьи, она бы пришла с ребенком. Люди не стали бы обсуждать Сюй Маньнин, но смеялись бы над семьей Чжоу, которая всё поставила с ног на голову, создав ситуацию для пересудов.

— Я тоже беспокоюсь, что отъезд Юньяна может расстроить Сюй Маньнин. Изначально я планировал, как вы сказали, найти кого-то, чтобы присматривать за ней. Юньян, вероятно, тоже об этом подумал, поэтому предложил переехать. Давайте поступим так, как хочет Юньян? Я объясню всё старшему брату на его могиле. Он был разумным человеком, он бы понял, — хотя Чжоу Цзыцянь знал, что отец хотел бы, чтобы Сюй Маньнин ушла, он все равно взял на себя роль человека, который нарушил волю старшего брата. Не потому, что отец не мог этого сделать, а потому, что не хотел, чтобы сын с того света его упрекал.

Вспомнив о своем рано ушедшем старшем сыне, старейшина Чжоу вздохнул:

— Она всё же провела с Цзыцинем столько лет. Не будь слишком суров с ней.

Женщина, которая отказалась от достоинства, потратила свою молодость и осталась с болезнями, получила только эту жалкую и ироничную «доброту». Как сказала мать Чжоу Цзыцяня, в семье Чжоу всего хватает, кроме милосердия.

Прямо вчера, после того как я закончила писать, мне пришла отличная новость, которая заставила меня рассмеяться. Моя недельная норма — 10 000 иероглифов, и я почувствовала огромное облегчение. Глупцам везет, правда? Ха-ха-ха!